
Т. В. Абанкина, А. Н. Красилова, Г. А. Ястребов

ОБРАЗОВАНИЕ КАК СТАРТ ДЛЯ ЖИЗНИ: ЖИЗНЕННЫЕ ПЛАНЫ СЕЛЬСКИХ ШКОЛЬНИКОВ В РОССИИ¹

Статья поступила
в редакцию
в апреле 2012 г.

Аннотация

Представлены результаты первого этапа реализации международного проекта по сравнительному исследованию сельского образования в России, Китае и Казахстане. В основу исследования образовательных, миграционных и карьерных стратегий старшеклассников сельских школ, а также факторов, формирующих эти стратегии, положена эмпирическая модель межпоколенной социальной мобильности, объясняющая механизм влияния элементов социального и культурного окружения на формирование жизненных траекторий. Исследование проводилось на данных сплошного обследования сельских школ пяти регионов России, различающихся природно-климатическими и транспортными условиями, уровнем и профилем социально-экономического развития, демографическими тенденциями и системами сельского расселения. Показано, что чуть ли не единственными предпосылками, позволяющими скорректировать массовую установку сельских старшеклассников на получение высшего образования и отъезд в город в пользу стратегии «остаться в селе», являются раннее трудовое воспитание и возможность получения по наследству собственного бизнеса родителей.

¹ Статья подготовлена по результатам проекта «Исследование образовательных и трудовых траекторий школьников и студентов» в рамках программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ 2012 г. Общее и научное руководство проектом «Международное сравнительное исследование образовательных, карьерных и миграционных стратегий выпускников сельских школ в регионах России, Китая и Казахстана» — Т.В. Абанкина. Разработка методологии и инструментария эмпирического исследования, формирование базы данных и их анализ — А.Н. Красилова и Г.А. Ястребов. Авторы выражают особую благодарность профессору О.И. Шкаратану, чьи идеи и разработки в области теории социального воспроизводства были положены в основу используемой в работе концептуальной модели формирования жизненных траекторий молодежи. Кроме того, авторы выражают искреннюю благодарность руководителям и специалистам муниципальных и региональных систем образования Алтайского края, Московской области, Республики Саха (Якутия), Республики Татарстан и Ульяновской области, которые организовали и провели интервьюирование сельских школьников и анкетный опрос их родителей.

Ключевые слова: образовательные стратегии, миграционные траектории, карьерные планы, жизненные траектории, социальная мобильность, сельская школа, сельское образование, миграция из сел в города.

Проблемы и перспективы развития образования в сельской местности постоянно находятся в фокусе внимания как международных организаций, так и экспертов во многих странах мира. В рамках масштабной программы ЮНЕСКО «Образование для всех» в последние годы разворачивается исследовательское направление «Образование как старт для жизни», в значительной степени сосредоточенное на странах с переходной экономикой. В 2010 г. Институт развития образования Высшей школы экономики начал реализовывать совместный с Китаем проект по изучению образовательных, карьерных и миграционных стратегий сельских школьников и ожиданий их родителей, с тем чтобы собрать научно-фактическую базу для формирования предложений по развитию региональных систем образования с учетом предпочтений семей. В 2011 г. к этому проекту подключился Казахстан. В каждой из стран — участниц проекта были выбраны несколько регионов, отличающихся природно-климатическими и транспортными условиями, уровнем и профилем социально-экономического развития, демографическими тенденциями и системами сельского расселения. Необходимость проведения сравнительного исследования во многом обусловлена тем, что выбор указанными странами принципиально различающихся стратегий перехода к рынку прямо сказывается на приоритетах образовательной политики и осуществляемых образовательных реформах.

В данной статье авторы ставят перед собой цель познакомить читателей с результатами первого этапа российской части сравнительного исследования, проведенного во второй половине 2010 г. и охватившего пять регионов страны. Основное внимание в ней уделено обсуждению результатов опросов учащихся 9–11-х классов школ и их родителей в сельских районах Московской и Ульяновской областей, Алтайского края, Республики Саха (Якутия) и Республики Татарстан.

Исследования жизненных траекторий сельских школьников в России и за рубежом

Проблемы образования на селе, особенно в промышленно развитых странах, к которым с определенной долей условности можно причислить Россию, относятся к числу наименее востребованных и изученных в научной литературе, причем не только в нашей стране, но и в мире вообще. Даже в США, где разработкой соответствующей проблематики сегодня занимается, можно сказать, целый профессиональный корпус², излишняя концентрация спе-

² Поддержкой и развитием исследований по проблемам образования в сельской местности в США занимается ряд специальных центров, в частности The National Research Center on Rural Education Support, который проводит и организует регулярные проекты по изучению карьерных и образовательных

циалистов на развитии передового высшего образования, сосредоточенного преимущественно в городах, привела к тому, что за период реформ 1950–1980-х годов разрыв в качестве городского и сельского образования стал практически непреодолимым [DeYoung, 1987]. При этом сегодня в США на сельскую местность приходится более трети от общего числа школ, в то время как их проблемам уделяется не более 6% содержания ведущих научных изданий по вопросам образования [Hardré, 2008]. В России по грубому счету соотношение школ практически противоположное — на две городские школы приходится три сельские³, а анализу проблем образования на селе уделяется несопоставимо меньше внимания.

Перечислим лишь некоторые наиболее интересные работы, относящиеся к теме нашего проекта, определяющие основные тенденции в данной области исследований и раскрывающие факторы, которые оказывают влияние на жизненные стратегии сельских школьников. Так, в недавней работе С. Биана и коллег [Byun et al., 2010], анализирувавших шансы городских и сельских студентов на успешное завершение высшего образования, было установлено, что традиционно более высокий уровень социального капитала сельских сообществ оказывает позитивное влияние на жизненные шансы выходцев из сельских семей.

В исследовании американских социологов П. Карра и М. Кефалас [Carr, Kefalas, 2009] выделяются четыре группы сельских школьников в соответствии с их жизненными устремлениями и ценностями. Анализируя проблемы каждой из этих групп в их связи со сложившейся в сельской Америке системой школьного образования, авторы приходят к парадоксальному выводу: наибольшие усилия и средства вкладываются в тех школьников, которые заведомо намерены уехать из сел, тем самым значительно обедняя их в культурном, интеллектуальном и профессиональном плане.

Некоторые исследователи полагают, что с проблемой «утечки мозгов» из сел в города справиться в принципе невозможно: любые инвестиции в развитие сельского образования приводят в конечном счете к тому, что выгодоприобретателями становятся не сами села, а те города, куда из этих сел устремляется наиболее образованная, подготовленная и мотивированная молодежь [McGranahan, Ghelfi, 1991].

Применительно к российским исследованиям нельзя не упомянуть специфический контекст, с которым отечественным социологам пришлось иметь дело после весьма турбулентного периода экономических и политических реформ в нашей стране в начале

траекторий сельской молодежи, и The Rural School and Community Trust. Также выпускается ряд специализированных профессиональных изданий, например The Journal of Research in Rural Education, Rural Society, Rural Sociology.

³ Согласно данным Росстата, на начало 2010 г. в России насчитывалось 18,5 тыс. городских и 30,3 тыс. сельских школ. См.: [Российский статистический ежегодник. 2011. М.: Росстат, 2011. С. 212].

1990-х. Хроническое недоинвестирование средств в систему образования привело к заметному ухудшению возможностей сельской школы как в части материального обеспечения учебного процесса, так и в части повышения квалификации и переподготовки учительского состава. В силу изменения демографического состава населения, снижения численности сельской молодежи сократилась и продолжает сокращаться численность учеников в сельских школах, что приводит к малой загруженности и низким зарплатам учителей. Эта ситуация особенно критична для сельской местности, потому что в отличие от своих городских коллег сельские учителя практически не имеют возможности практиковать репетиторство в силу его невысокой востребованности в сельских районах [Силласте, 2004].

Рассматривая проблему оттока молодежи из сельской местности, Г.Г. Силласте отмечает, что чрезмерная ориентированность социальной политики в сфере образования на городскую молодежь вкупе с высоким уровнем бедности в селах и крайне низким престижем сельского труда становится одним из мощнейших факторов, обуславливающих отъезд молодежи из сел в города после окончания средней школы [Там же]. Ряд авторов выделяет отчетливо проявленную тенденцию: уровень жизненных притязаний у выпускников сельских школ ниже по сравнению с городскими [Магун, Энгватов, 2003; Предтеченская, 2008].

Согласно результатам исследования Института социологии РАН, проведенного в 2006 г., с точки зрения доступности качественного образования сельская молодежь является одной из наиболее социально ущемленных групп. «Социальное неравенство в доступе к полноценному образованию для такой молодежи предопределяет дальнейшую недостаточность ее человеческого капитала, что, в свою очередь, программирует ее будущую неконкурентоспособность» [Социальное неравенство..., 2007. С. 133; Константиновский, 2003].

В исследованиях нескольких российских авторов рассматривается изменение отношения сельской молодежи к достижению материального благополучия через те или иные типы профессиональной деятельности [Михеев, 2005; Казакбаев, 2005]. Согласно полученным ими данным, желание устроиться на хорошо оплачиваемую работу в городе является для учащихся сельских школ доминирующей установкой. По сравнению с 1990-ми данный мотив усилился к 2000-м годам настолько, что вытеснил такую некогда популярную среди сельских школьников альтернативу, как занятие фермерством. При этом, получив высшее образование, выходцы из наиболее обеспеченных сельских семей более склонны возвращаться в села, чем выходцы из более бедных семей (в 40% случаев против 10% случаев соответственно), т. е. уровень материальной обеспеченности сельских семей является довольно существенным фактором, сдерживающим миграцию из сел [Михеев, 2005].

Как видно из представленных работ, проблемы сельской молодежи в современной России изучаются преимущественно с точки зрения удовлетворения ее материальных запросов и потребности в социальном престиже. Значительная часть работ, основанная, как правило, на немасштабных качественных исследованиях, посвящена успешности адаптации выходцев из села в городской среде, тогда как факторы, хотя бы потенциально способные сделать более успешной социальную и экономическую интеграцию последних в сельской общине, практически никем не рассматриваются. Работы западных коллег отличаются значительно большей заостренностью на проблеме сдерживания массовой миграции сельской молодежи в города для противодействия экономической деградации сельских территорий.

Логическим ядром исследования является эмпирическая модель основных теоретических представлений о процессе межпоколенной социальной мобильности, развитая в работах как отечественных [Руткевич, Филиппов, 1970; Черныш, 2005; Шкаратан, Ястребов, 2010, 2011 и др.], так и западных социологов [Bourdieu, Passeron, 1977; Featherman, Hauser, 1977; Erikson, Goldthorpe, 1992 и др.]. Мы придерживаемся позиции, согласно которой индивиды (в нашем случае представители сельской молодежи, стоящие перед выбором профессионального пути, который становится актуальной проблемой в период окончания школы) рассматриваются как элементы определенной системы: либо социальной, где их действия и решения детерминированы местом в системе социально-экономических отношений, либо культурной, где действия определяются нормами и правилами, сложившимися в данной культуре (например, сельской с ее специфическими традициями, установками и стереотипами). Таким образом, индивидуальное действие рассматривается прежде всего как результат системных социальных переменных, а не как результат личностных качеств. При этом мы отнюдь не сбрасываем со счетов личностные и психофизиологические свойства индивидов, мы лишь подчеркиваем, что они выступают в качестве второстепенных (по отношению к структурным) факторов, определяющих возможности продвижения людей в системе социальных позиций.

Множество факторов, влияющих на динамику социальной мобильности, целесообразно разделить на три группы. К факторам макросреды мы относим такие характеристики среды проживания, как степень развитости инфраструктуры и локальных рынков труда, в значительной степени задающих горизонты карьерных и образовательных траекторий проживающих на данной территории людей. Эти макрофакторы на уровне локальной территориальной общности (например, конкретная сельская или деревенская община) редуцируются до факторов мезосреды, а именно конкретных компонентов инфраструктуры, в которых происходит вторичная социализация индивида (например, учреждения образования, трудовые

Модель исследования, факторы жизненных траекторий и основные гипотезы

коллективы предприятий и организаций). И наконец, на микроуровне вступают в действие факторы, оказывающие непосредственное влияние на характер первичной социализации индивида, его воспроизводства как члена социума, прежде всего через усвоение определенных норм поведения и установок в семье. Все вышеперечисленные факторы являются институциональными (или структурными) постольку, поскольку они определяют специфические границы и возможности социального продвижения конкретных индивидов вне зависимости от их психофизиологических качеств. Таким образом, в своей концептуальной модели в качестве первого институционального фактора (потенциальной) социальной мобильности мы будем рассматривать региональный фактор, который представляет собой интегральную характеристику специфических условий проживания, в качестве второго — институт образования, в качестве третьего — фактор родительской семьи.

Важно учитывать, что феномен социальной мобильности или реальные жизненные шансы учащихся в данной работе как таковые не исследуются; в фокусе нашего внимания — возможные карьерные и образовательные траектории (траектории жизненного пути), субъективно фиксируемые респондентами как наиболее вероятные в кратко- и среднесрочной перспективе.

На операциональном уровне под возможными карьерными и образовательными траекториями учащихся в нашей модели мы будем понимать результирующий от перечисленных факторов вектор переменных, описывающий карьерные притязания в терминах ожидаемого социального статуса, образовательных достижений, материального положения и территориальной принадлежности (село/город). Преимуществом используемой нами информационной базы является то, что для определения социального положения (как ожидаемого в случае с карьерными притязаниями учащихся, так и фактического — для родителей, социальное положение которых фиксируется в начале трудовой деятельности и на момент опроса) в опросный лист были введены традиционные для большинства международных социологических обследований блоки, позволяющие фиксировать необходимые исходные показатели: род занятий (характер и содержание работы), отраслевая принадлежность, статус занятости, объем и уровень полномочий в управленческой иерархии. Эти показатели являются сырьем для выведения уточненной шкалы Международного стандарта классификации занятий (ISCO-88), который служит базой для построения любых производных систем социальной классификации в международных сравнительных исследованиях. Тем самым обеспечивается возможность сопоставления полученных нами результатов с результатами аналогичных исследований в других странах.

Ниже перечислены основные компоненты концептуальной схемы применительно к развертыванию типологии ожидаемых карьерных и образовательных траекторий сельской молодежи.

1. *Характеристики семьи*: ресурсная обеспеченность, в качестве конкретных компонент которой рассматриваются материальное и субъективно определяемое социальное положение родителей; культурный капитал, представленный типом культурного потребления и характером внепроизводственной деятельности; человеческий капитал, выраженный через достигнутый уровень образования и участие в различных формах дополнительного образования; социальный капитал как возможность извлечения определенных финансово-материальных выгод для себя и собственных детей через родственные или иные социальные связи; социально-профессиональные характеристики родителей, выраженные через род занятий или вид производственной деятельности; ожидания/представления родителей относительно карьерных и образовательных траекторий их детей-учащихся, включая реалистичные оценки финансовых возможностей семьи по обеспечению их дальнейшего образования, осведомленность о ситуации на рынке труда, уровень оптимизма и т. д.

2. *Система образования, или школа*, как совокупность факторов, определяющих социализацию учащихся и отражающих специфику действующих образовательных стандартов, профиль образования, материальную оснащенность и квалификацию преподавательского состава, наличие дополнительных возможностей для развития творческих и интеллектуальных способностей школьников и проч.

3. *Характеристики среды*, определяющие возможности трудоустройства выпускников в городской и сельской местности, а также дальнейшего образования (уровень безработицы, характеристика миграционных процессов в регионе, уровень и дифференциация заработной платы между селом и городом, стоимость потребительской корзины и прожиточный минимум, стоимость и доступность жилья, стоимость обучения в вузах, ПТУ, техникумах, отраслевая структура экономики).

Далее мы сформулировали гипотезу относительно наиболее вероятных траекторий выпускников сельских школ в России с момента окончания ими школы до выхода на рынок труда. Вот основные возможные миграционно-образовательные траектории сельских школьников:

- школа (9 или 11 классов) — работа в городе или в селе;
- школа (9 классов) — ПТУ — работа в городе или в селе;
- школа (11 классов) — техникум — работа в городе или в селе;
- школа (11 классов) — вуз — работа в городе.

Исходя из результатов многочисленных исследований, в том числе рассмотренных в предыдущем разделе, можно предположить, что наиболее массовой в России среди сельской молодежи по-прежнему является установка на получение высшего образования и переезд в город на постоянное место жительства. В то же время в рамках данного исследования мы стремились выявить факторы, способствующие «замыканию» карьерных траекторий

сельской молодежи на сельский рынок труда. В качестве отдельной задачи мы рассматривали оценку характера влияния данных факторов на намерения и ожидания учащихся сельских школ. В соответствии с этим был сформулирован ряд исходных гипотез, которые перечислены ниже.

На желание школьников получить высшее образование положительно влияют следующие характеристики семьи и среды: высокий доход членов семьи, высокая обеспеченность жильем на члена семьи; высшее образование родителей, наличие властных полномочий (административного капитала) у родителей, соответствующие ожидания родителей; малая удаленность села от более развитых территорий.

На желание школьников уехать из села в город положительно влияют следующие характеристики семьи и среды: высокий доход членов семьи, низкая доля иждивенцев в семье, отсутствие крупной собственности у родителей, высокая обеспеченность жильем на члена семьи; наличие успешного опыта миграции у родителей, ориентация в семье на городские виды досуга, отсутствие преемственности занятий в семье, соответствующие ожидания родителей; малая удаленность села от более развитых территорий, неблагоприятная ситуация на рынке труда в селе.

Кроме того, мы предполагаем, что молодые люди ориентируются на достижение образовательного и социально-профессионального статуса не ниже, чем у родителей, что в целом должно увеличивать привлекательность миграции в город и получения высшего образования. Что касается воздействия социального капитала, то он открывает более широкие возможности трудоустройства там, где сосредоточены его носители (друзья и родственники), и формирует соответствующие намерения.

Мы вынуждены оговориться, что на данном этапе ввиду отсутствия исчерпывающей информации, позволяющей дифференцировать школы по типу и качеству образовательных программ, а также по другим значимым критериям (материально-техническая обеспеченность, интеграция с другими учебными учреждениями), влияние школы в данной статье нами специально не рассматривается.

Обсуждение результатов исследования

Результаты социологического исследования⁴ свидетельствуют, что во всех пяти регионах наиболее массовой является установка сельских школьников на получение высшего образования. Как видно из табл. 1, почти 67% учащихся 9–11-х классов сельских школ в Московской области и Алтайском крае, 62% в Ульяновской области, 58% в Республике Татарстан и 81% в Республике Саха

⁴ Интервьюирование сельских школьников и анкетный опрос их родителей проводились в следующих регионах: Московская область, Коломенский район (N = 316); Республика Саха (Якутия), Мегино-Кангаласский улус (N = 749); Алтайский край, Первомайский район (N = 500); Ульяновская область, Ульяновский район (N = 601); Республика Татарстан, Азнакаевский район (N = 266).

(Якутия) планируют продолжить свое образование в высших учебных заведениях, что практически всегда сопровождается миграцией в города.

Меньшей популярностью среди учащихся пользуются учреждения среднего профессионального образования: около 26–27% школьников в Московской области и Алтайском крае, 33–35% в Ульяновской области и Республике Татарстан и лишь 14% сельских школьников в Якутии собираются продолжить образование в колледже или техникуме. Наименее привлекательной образовательной стратегией для сельских школьников является продолжение обучения в ПТУ, и практически никто (2–4%) из опрошенных не собирается работать сразу после школы.

Косвенной причиной сравнительно более высокой популярности ПТУ, колледжей и техникумов в Московской и Ульяновской областях может быть то обстоятельство, что данные регионы являются более развитыми в промышленном и инфраструктурном отношении: промышленность формирует спрос на специалистов соответствующего уровня квалификации, а существующая в городах система профессиональной подготовки кадров для промышленности обеспечивает их предложение. Отчасти это подтверждается данными о численности занятых в обрабатывающей промышленности, которая является одним из основных потребителей рабочей силы с профессионально-техническим образованием: так, согласно данным Росстата за 2008 г., в Ульяновской области в обрабатывающей промышленности было занято 25% от общей численности занятых по региону, тогда как в Якутии — только 4% (в Московской области — 21%, в Алтайском крае — 15%).

Таблица 1 **Планы учащихся 9–11-х классов после окончания школы**

Распределение ответов на вопрос «Что вы планируете делать сразу после окончания школы?» (анкета школьника), % от общего числа содержательных ответов по столбцу

	Московская область	Республика Саха (Якутия)	Алтайский край	Ульяновская область	Республика Татарстан
Продолжить образование в университете, институте	66,6	81,1	66,9	61,6	58,3
Продолжить образование в колледже, техникуме	26,2	13,7	26,9	34,9	32,5
Продолжить образование в ПТУ	5,5	2,5	2,3	1,6	4,8
Устроиться на работу	1,6	2,7	3,8	2,0	4,4

Приводимые в табл. 1 данные рассчитаны для всей выборки, включая учащихся 10–11-х классов. Можно предположить, что в результате оказалась заниженной доля тех, кто планирует продолжить свое образование в ПТУ и колледжах, потому что часть учащихся уходит в ПТУ и колледжи после 9-го класса. Учитывая это обстоятельство, мы произвели расчет по выборке школьников в возрасте до 15 лет (это приблизительный контингент учащихся 9-х классов, поскольку номер класса в анкете не фиксировался). Результаты приведены в табл. 2.

Таблица 2 **Планы учащихся в возрасте до 15 лет после окончания школы**

Распределение ответов на вопрос «Что вы планируете делать сразу после окончания школы?» (анкета школьника), % от общего числа содержательных ответов по столбцу

	Московская область	Республика Саха (Якутия)	Алтайский край	Ульяновская область	Республика Татарстан
Продолжить образование в университете, институте	57,9	79,4	62,4	58,1	43,1
Продолжить образование в колледже, техникуме	33,0	14,2	28,2	39,0	47,1
Продолжить образование в ПТУ	7,6	3,4	4,4	1,1	7,8
Устроиться на работу	1,0	1,5	3,4	1,1	1,0

Несмотря на то что приводимые в табл. 1 доли тех, кто планирует поступать в ПТУ, колледжи и техникумы, действительно оказались несколько заниженными, оснований подвергать сомнению утверждение о том, что среди сельских школьников преобладает установка на высшее образование, нет. Единственным исключением является Республика Татарстан (Азнакаевский район), где наиболее популярным вариантом развертывания образовательной траектории после окончания школы для 9-классников является поступление в учреждения среднего специального (47%), а не высшего образования (43%). При этом, как показал более детальный анализ, лишь каждый десятый из татарских сельских школьников, планирующих поступать в колледжи и техникумы, рассматривает этот этап как трансферный, т. е. намерен использовать его как подготовку к поступлению в вуз.

Переехать в город для продолжения образования планируют подавляющее большинство (от 84%) будущих выпускников сельских школ (табл. 3). Тот факт, что почти 13% учащихся в Московской области (против 2–6% в остальных четырех регионах) могут продолжить свое обучение по месту жительства, свидетельствует об уровне социально-экономического развития территории, плотности населения⁵ и образовательной инфраструктуры, другими словами, учебные заведения или их филиалы находятся в зоне транспортной доступности.

Таблица 3 **Миграционные планы учащихся после окончания школы**

Распределение ответов на вопрос «Планируете ли вы уехать в город для продолжения образования? (анкета школьника)», % от общего числа содержательных ответов по столбцу

	Московская область	Республика Саха (Якутия)	Алтайский край	Ульяновская область	Республика Татарстан
Да, планирую	84,6	96,4	93,3	88,8	92,0
Нет, могу продолжить учиться там, где живу	13,4	2,2	3,5	6,3	1,8
Нет, собираюсь остаться в селе и учиться заочно	2,0	1,4	3,3	5,0	6,3

Интересна география потенциальных перемещений. Так, если в Коломенском районе Московской области центрами притяжения практически в одинаковой степени являются Москва (36% тех, кто собрался переезжать в город после окончания школы) и близлежащий районный центр г. Коломна (49%), а на третьем месте по популярности г. Рязань (7%), то в Якутии, Ульяновской области и Алтайском крае основные потоки замыкаются на областные центры (81, 78 и 91% соответственно). Это неудивительно: территориальная мобильность, выходящая за пределы региона, может быть ограничена в силу их особого географического расположения и протяженности, а также слабо развитой межрегиональной транспортной инфраструктуры. Еще одной причиной является отсутствие в Якутии и Алтайском крае более

⁵ Для справки: рассчитанная по данным Росстата в 2010 г. плотность населения в Московской области составляла 146,6 чел./кв. км; в Республике Татарстан — 55,8 чел./кв. км; в Ульяновской области — 34,8 чел./кв. км; в Алтайском крае — 14,9 чел./кв. км; в Республике Саха (Якутия) — 0,31 чел./кв. км [Российский статистический ежегодник. 2011. М.: Росстат, 2011. С. 77–80].

мощных центров притяжения по соседству: территории в регионах Сибири и Дальнего Востока развиты крайне неоднородно. Тот факт, что в Республике Татарстан (где опрашивался самый восточный — Азнакаевский — район) лишь половина (52%) школьников, намеренных мигрировать в город, планируют переезжать в Казань, тогда как 21% собираются учиться в Альметьевске и 13% — в Набережных Челнах, не в последнюю очередь может быть связан с относительно благоприятной социально-экономической ситуацией в этих двух довольно крупных и промышленно развитых городах.

Предпочтения сельских школьников относительно дальнейшего образования отчасти находят отражение в их представлениях о предпочтениях сверстников (табл. 4). Так, 76% школьников в якутских сельских школах считают, что большинство их одноклассников планируют поступать в высшие учебные заведения, чуть меньше (60%) этот показатель в Алтайском крае, и еще меньше (52–55%) — в Ульяновской и Московской областях, что более или менее соответствует распределениям, представленным в табл. 1. Схожая картина наблюдается в отношении двух других основных ступеней профессионального образования — начального и среднего.

Таблица 4 **Планы сверстников после окончания школы в представлениях учащихся**

Распределение ответов на вопрос «Как вы считаете, чем собирается заняться после окончания школы большинство ваших одноклассников?» (анкета школьника), % от общего числа содержательных ответов по столбцу

	Московская область	Республика Саха (Якутия)	Алтайский край	Ульяновская область	Республика Татарстан
Продолжить образование в университете или институте	52,3	76,3	60,0	54,6	57,7
Поступить в колледж или техникум в одном из ближайших городов	28,7	17,1	28,6	37,3	27,0
Поступить в ПТУ в одном из ближайших городов	12,0	2,7	6,1	4,5	6,5

	Московская область	Республика Саха (Якутия)	Алтайский край	Ульяновская область	Республика Татарстан
Продолжить учиться в местном сельском ПТУ	4,7	1,0	1,9	1,8	5,6
Устраиваться на работу в селе/городе и не продолжать образование	2,3	2,9	3,4	1,8	3,3

Неудивительно, что эти представления зависят от собственных предпочтений учащихся (табл. 5). В частности, те, кто планирует получать высшее образование, как правило, ожидают аналогичных планов от своих сверстников (в 77% случаев). Таким образом, в каждой конкретной школе структура образовательных предпочтений школьников оказывается весьма однородной⁶, что подтверждает гипотезу о том, что школа, а точнее, локальный социально-экономический контекст, с которым она связана, оказывает значимое влияние на возможные социальные траектории школьников.

Таблица 5 Представления о планах сверстников и образовательные предпочтения учащихся

Распределение ответов на вопрос «Как вы считаете, чем собираются заняться после окончания школы большинство ваших одноклассников?» (анкета школьника), % от общего числа содержательных ответов по столбцу

	Среди тех, кто планирует продолжить образование		
	в ПТУ	в техникуме, колледже	в институте, университете
Продолжить учиться в местном сельском ПТУ	30,6	1,7	1,1
Поступить в ПТУ в одном из ближайших городов	27,8	10,5	3,1
Поступить в колледж или техникум в одном из ближайших городов	5,6	43,4	17,0
Продолжить образование в университете или институте	25,0	41,7	76,5

⁶ Так, например, как минимум в трех якутских школах 100% будущих выпускников ориентированы на то, чтобы продолжить свое образование в высших учебных заведениях.

Стратегии и оценки школьников несильно расходятся с ожиданиями родителей относительно дальнейших образовательных траекторий детей (табл. 6). Однако родители, по всей видимости, более реалистично оценивают шансы своих детей на получение высшего образования, поскольку их совокупные оценки выглядят более приземленными по сравнению с оценками школьников: 55% против 67% в Московской области, 48% против 62% в Ульяновской области, 73% против 81% в Якутии и 64% против 67% в Алтайском крае. Вместе с тем выявленные в ответах учащихся региональные различия (значительный сдвиг предпочтений в пользу высшего образования в Якутии, более высокая востребованность начального и среднего профессионального образования в Московской и Ульяновской областях) здесь также весьма заметны.

Таблица 6 Представления родителей о планах детей после окончания школы

Распределение ответов на вопрос «Что будет делать ваш(а) сын (дочь) сразу после окончания школы?» (анкета родителей), % от общего числа содержательных ответов по столбцу

	Московская область	Республика Саха (Якутия)	Алтайский край	Ульяновская область	Республика Татарстан
Планируем отправить в ПТУ	16,6	3,4	4,6	7,1	6,4
Планируем отправить в колледж, техникум	27,2	22,9	31,3	44,5	34,9
Планируем отправить в университет, институт	55,1	73,4	63,8	47,4	58,7
Думаем, сразу после школы он/она устроится на работу	1,2	0,4	0,3	0,9	0,0

В планах на будущее практически абсолютный «консенсус» между родителями и детьми достигается только по поводу высшего образования (табл. 7): в этом случае около 86% детей разделяют планы своих родителей. Совсем иначе дело обстоит в тех случаях, когда родители планируют отправить детей в ПТУ, колледж или техникум, причем чем ниже статус учебного заведения, тем в меньшей степени разделяют дети планы родителей. Очевидно, что школьники в массе своей негативно оценивают престиж начального и среднего профессионального образования, что заставляет их вопреки ожиданиям родителей рассматривать иные образовательные стратегии.

Таблица 7 Несовпадение представлений родителей и детей о планах после окончания школы

Распределение ответов на вопрос «Что вы планируете делать сразу после окончания школы?» (анкета школьника), % от общего числа содержательных ответов по столбцу

	Среди школьников, чьи родители планируют отправить своих детей		
	в ПТУ	в колледж, техникум	в университет, институт
Продолжить образование в ПТУ	13,7	3,1	1,0
Продолжить образование в колледже, техникуме	38,2	44,9	13,2
Продолжить образование в университете, институте	48,0	52,0	85,8

О влиянии культурных ресурсов семьи на образовательные установки детей свидетельствуют данные табл. 8. Индикатором объема этих ресурсов в данном случае служит уровень образования родителей, а точнее, наличие высшего образования. Так, наличие высшего образования хотя бы у одного из родителей положительно влияет на желание детей поступать в вуз после окончания школы. Причем это желание проявляется еще сильнее в случае, если высшее образование имеют оба родителя. Однако установка на получение высшего образования вообще преобладает среди детей, и, как показывают результаты исследования, она значительно сильнее эффекта культурной преемственности: в семьях, где ни один из родителей не имеет соответствующего образования, 70% (!) детей хотели бы после окончания школы учиться в институте или университете. Таким образом, в образованных семьях уверены, что дети должны быть «не хуже родителей», а в семьях с более низким уровнем образования родителей считают, что «дети должны быть образованы лучше нас».

На вопрос о будущей специальности выпускники сельских школ отвечают с высокой долей неопределенности. Кем они хотели бы стать после окончания образования, в Московской области в принципе смогли ответить 63% школьников, в Республике Саха — 52%, в Алтайском крае — 64%, в Республике Татарстан — 47%. Исключение составляет Ульяновская область, где почти 90% респондентов смогли более или менее точно сформулировать свои карьерные предпочтения. Это обстоятельство создаст определенные сложности при дальнейшем анализе распределения профессиональных притязаний учащихся, поскольку серьезным образом нарушается свойство репрезентативности данных.

Таблица 8 **Планы детей после окончания школы и уровень образования родителей**

Распределение ответов на вопрос «Что вы планируете делать сразу после окончания школы?» (анкета школьника), % от общего числа содержательных ответов по столбцу

	Ни один из родителей не имеет высшего образования	Высшее образование у одного из родителей	Высшее образование у обоих родителей
Продолжить образование в университете, институте	70,0	81,7	89,4
Продолжить образование в колледже, техникуме	23,5	13,8	8,1
Продолжить образование в ПТУ	3,3	2,5	2,4

Таблица 9 **Рейтинги пяти наиболее популярных среди учащихся профессий по регионам**

Московская область

врачи — 9%, учителя — 6%, переводчики — 6%, юристы — 5%, программисты — 5%

Республика Саха (Якутия)

врачи — 13%, юристы — 9%, учителя — 6%, экономисты — 6%, архитекторы — 5%

Алтайский край

юристы — 8%, программисты — 8%, врачи — 5%, автомеханики — 5%, психологи — 5%

Ульяновская область

врачи — 9%, психологи — 7%, юристы — 5%, программисты — 5%, автомеханики — 5%

Республика Татарстан

врачи — 10%, автомеханики — 7%, экономисты — 6%, программисты — 4%, инженеры — 4%

Всюду указана доля тех, кто ответил на вопрос, по региональной выборке.

Тем не менее анализ имеющейся информации позволяет сформулировать ряд предположений. В табл. 9 представлены своеобразные рейтинги профессий: перечислены наиболее популярные среди школьников виды занятий с указанием

соответствующих долей в совокупном распределении. Довольно неожиданным выглядит наиболее популярный выбор сельских школьников: профессия врача — лидер рейтинга в Московской и Ульяновской областях и Якутии, и она же занимает 3-е место по популярности в Алтайском крае. Не менее удивительно, что в перечень наиболее привлекательных видов занятий наряду с такими популярными сейчас профессиями, как программист, юрист, экономист, психолог, попала профессия школьного учителя. Это обстоятельство идет вразрез со сложившимся стереотипным мнением о снижении престижности «бюджетных» профессий. Есть вероятность, что такой выбор является отражением инерционности мышления: в сельской среде социальный престиж врача и учителя по-прежнему является достаточно высоким, что компенсирует сравнительно невысокий уровень материального достатка, характерный для представителей этих профессий в селах.

В структуре профессиональных предпочтений сельских школьников находит отражение их массовая ориентация на высшее образование. От 52% (в Алтайском крае) до 73% (в Республике Саха) сельских школьников хотели бы получить профессию, которая формально требует законченного высшего образования (табл. 10). На рабочие специальности претендуют не более 13% учащихся в Алтайском крае, еще меньшей популярностью пользуются рабочие специальности в Московской и Ульяновской областях (11%), и совсем низка их привлекательность в Якутии (7%).

Таблица 10 **Характер профессиональных предпочтений учащихся сельских школ, % от общего числа содержательных ответов по столбцу**

	Московская область	Республика Саха (Якутия)	Алтайский край	Ульяновская область	Республика Татарстан
Занятия, требующие высшего профессионального образования (высококвалифицированный интеллектуальный и управленческий труд)	57,6	73,4	52,4	65,0	60,3
Рабочие специальности (квалифицированный и полуквалифицированный физический труд)	10,6	7,4	12,9	10,9	14,2

Примечание. Формальные требования к образованию для каждого вида занятий определяются согласно исходной методологии построения ISCO (Международный стандартный классификатор занятий).

Одной из гипотез исследования было предположение, что молодые люди ориентируются на достижение социально-профессионального статуса не ниже, чем у родителей. Другими словами, мы исходили из того, что между социально-профессиональным статусом родителей и детей имеется определенная связь: чем выше социально-профессиональный статус родителей, тем выше притязания детей. Чтобы протестировать данную гипотезу, мы воспользовались довольно распространенной в практике международных стратификационных исследований шкалой престижей, разработанной американским социологом Дональдом Трейманом. Под престижем в шкале Треймана понимается некая абстрактная величина, являющаяся производной от образования, уровня доходов и социального признания, обычно сопряженных с конкретными видами занятий⁷ [Treiman, 1977; Ganzeboom, Treiman, 1996]. Считается, что данная шкала является более или менее универсальной для обществ современного типа, к которым с определенной долей условности можно отнести и Россию. Одним из основных мотивов использования данной шкалы в нашей работе является и то обстоятельство, что кодирование открытых вопросов о профессиональных притязаниях и роде занятий родителей осуществлялось с использованием международного классификатора ISCO-88, на котором основывались расчеты Треймана.

Однако самый простой корреляционный анализ зависимости между профессиональными притязаниями детей и социально-профессиональным статусом родителей показывает, что связь эта во всех пяти регионах практически отсутствует. Исключение составила лишь Ульяновская область, в которой наиболее заметно эта связь проявляется по линии гендерной преемственности (т.е. отец — сын, мать — дочь) с со статистически значимыми (на 1%-ном уровне) коэффициентами 0,21 и 0,18 соответственно. То есть в целом притязания сельских школьников практически не зависят от профессиональных достижений их родителей.

Профессиональные притязания сельских школьников действительно существенно превышают профессиональные достижения их родителей: значение индекса Треймана для выбранных ими профессий в среднем почти в 1,5 раза выше аналогичного значения для занятий родителей (табл. 11). Оговоримся, что речь идет об ожиданиях, в жизни все может сложиться совершенно иначе.

⁷ Шкала принимает значения в диапазоне от 16 до 90. Примеры значений: продавец — 43, школьный учитель — 66, врач — 85, судья — 90. Условно говоря, чем выше престиж и социальное признание той или иной профессии/вида занятий, тем выше абсолютное значение ISEI.

Таблица 11 Средние значения индекса Треймана для детей и родителей по регионам

	Московская область	Республика Саха (Якутия)	Алтайский край	Ульяновская область	Республика Татарстан
Дети (ожидания)	54,4	60,2	54,0	56,5	55,6
Отец (фактическое положение)	35,6	41,7	37,8	40,5	36,0
Мать (фактическое положение)	40,1	46,3	41,2	42,7	43,6

Практически нет межрегиональных различий в стремлении будущих выпускников жить и работать в городе: они характерны для 81–85% сельских школьников (табл. 12). Аналогичную картину дает распределение ответов на вопрос о том, где хотели бы жить выпускники, когда у них будут дети: 75–76% опрошенных во всех регионах хотели бы жить и работать в городе. Таким образом, массовой среди сельских школьников является установка не только на получение высшего образования, но и на миграцию в город. Как было показано выше, как правило, эта миграция направлена в областные столицы, и лишь в случае с Московской областью направленность миграционных траекторий практически поровну делится между Москвой и районным центром.

Таблица 12 Миграционные установки школьников

Распределение ответов на вопрос «Хотели бы вы жить и работать в городе?» (анкета школьника), % от общего числа содержательных ответов по столбцу

	Московская область	Республика Саха (Якутия)	Алтайский край	Ульяновская область	Республика Татарстан
Да, однозначно	46,2	51	51,8	35,4	56,2
Скорее да, чем нет	34,8	29,3	33,4	42,7	31,3
Мне все равно	9,3	16,1	7	12	6,4
Скорее нет, чем да	7,9	2,2	6,1	7,9	5,6
Однозначно нет	1,7	1,3	1,7	2	0,4

Гипотеза о том, что наиболее массовой ожидаемой карьерной траекторией будущих выпускников сельских школ является «школа, 11 классов, — вуз — работа в городе», также подтверждается распределением ответов на один из контрольных вопросов анкеты. В четырех регионах этот вариант был выбран как минимум

в половине случаев (50–53%), и лишь в Ульяновской области такую траекторию избрали 44% опрошенных, что согласуется с отмеченной ранее популярностью учебных заведений технического профиля в данном регионе.

Второй по распространенности стратегией для сельских школьников является учеба в учреждениях среднего профессионального образования с последующим поиском работы в городе. Однако если в Московской области и Якутии доля тех, кто выбрал такую стратегию, составляет порядка 18–19%, в Алтайском крае и Республике Татарстан — 28–31%, то в Ульяновской области — 38%. При этом в последних двух регионах значительно меньшее число будущих выпускников склонны выбирать стратегии, замкнутые на сельский рынок труда. Так, стратегии «сразу начать работать в селе», «ПТУ, потом работа в селе», «колледж (техникум), потом работа в селе», «вуз, потом работа в селе», «армия, потом работа в селе» в Московской области в совокупности выбрали 15% сельских школьников, в Якутии — 17%, в Алтайском крае — 10%, в Ульяновской области — 6%, а в Республике Татарстан — всего 3%.

В табл. 13 отражена связь между степенью согласия с различными утверждениями относительно сельской и городской жизни, с одной стороны, и желанием жить и работать в городе — с другой. Как видно из таблицы, наличие позитивных представлений о городской жизни (утверждения 1–6) статистически значимо и положительно связано с желанием жить и работать в городе. Наиболее сильно эта связь проявляется в отношении такого распространенного стереотипа, как «жить в городе лучше, потому что там больше развлечений, а в селе скучно», т. е. фактически для школьников одним из основных побудительных мотивов к миграции в города остается их сравнительно более высокая привлекательность с точки зрения инфраструктуры досуга и развлечений.

Подавляющая часть школьников отдает себе отчет в том, что городская жизнь сопряжена с более высокими расходами (с утверждением 7 согласны 87%), что, впрочем, не является для респондентов демотивирующим фактором: степень их согласия с соответствующим утверждением хоть и слабо, но значимо положительно коррелирует с желанием жить и работать в городе.

Таблица 13 **Связь миграционных устремлений с представлениями о городской/сельской жизни**

Степень согласия с утверждениями (по 4-балльной шкале)	Кэфф. корреляции	p-value	среднее	ст. откл.	% согласных	N
1. Работать в городе легче, чем в селе	0,18**	0,00	2,07	0,87	69,7	1320
2. Работать в городе престижнее, чем в селе	0,16**	0,00	1,39	0,65	94,6	1476

Степень согласия с утверждениями (по 4-балльной шкале)	Коэф. корреляции	p-value	среднее	ст. откл.	% согласных	N
3. В городе я смогу найти работу, которая мне нравится	0,19**	0,00	1,46	0,66	94,2	1461
4. Если я буду жить в городе, то смогу заработать больше денег	0,20**	0,00	1,62	0,72	90,3	1409
5. В городе я смогу получить более качественное образование	0,22**	0,00	1,39	0,65	94,4	1454
6. Жить в городе лучше, потому что там больше развлечений, а в селе скучно	0,27**	0,00	2,11	0,97	66,9	1444
7. Жить в городе дороже, чем в селе	0,10**	0,00	1,59	0,80	87,0	1427
8. В селе легче устроиться на работу, чем в городе	-0,05	0,08	2,56	0,97	44,4	1317
9. Жить в селе лучше, потому что там красивая природа (ягоды, грибы, охота, рыбалка и т. п.)	-0,15**	0,00	1,86	0,88	77,6	1444
10. Жить в городе трудно, потому что там не будет поддержки родственников и друзей	-0,12**	0,00	2,43	0,98	51,8	1408
11. Жить в городе опасно, там легко попасть в плохую компанию	-0,01**	0,00	2,19	0,99	62,8	1429
12. В городе к выходцам из села относятся плохо	-0,14**	0,00	2,71	0,91	37,7	1252
13. Для меня важно следовать традициям моей семьи и продолжить дело своих родителей	-0,03	0,359	2,91	0,93	28,3	1326

** Значимо на 1%-ном уровне.

* Значимо на 5%-ном уровне.

Практически не связаны с желанием жить и работать в городе индивидуальные оценки перспектив трудоустройства в селе (утверждение 8). Вместе с тем стереотипное суждение «В селе легче устроиться на работу, чем в городе», как показывает распределение ответов, не является массовым. На этом основании

можно предположить, что в действительности субъективное мнение школьников о сельском рынке труда не играет практически никакой роли при выборе ими миграционной стратегии.

Наблюдается значимая отрицательная связь миграционных установок с негативными представлениями о городской жизни (утверждения 10–12). Так, если школьники по каким-либо причинам склонны считать, что городские жители плохо относятся выходцам из сел (38% опрошенных), что в городе высок риск попасть в плохую компанию (63%) или что в случае вероятного переезда у них не будет поддержки со стороны друзей и родственников (52%), они, как правило, испытывают меньше желания жить и работать в городе.

К числу преимуществ сельской жизни, которые могли бы оказаться привлекательными для школьников, на этапе проработки анкеты исследования мы отнесли близость к природе, которая в том числе определяет доступность таких типично сельских видов занятий, как сбор ягод, грибов, охота, рыбалка (утверждение 9). С соответствующим утверждением согласились 78% опрошенных, и степень этого согласия значимо отрицательно связана с желанием жить в городе. Можно предположить, что одним из наиболее существенных субъективных факторов, препятствующих формированию у детей намерения уехать в город, является красота и привлекательность природы со всеми сопряженными с ней видами деятельности.

Наконец, анализ не подтвердил наличия статистически значимой связи между желанием жить и работать в городе и степенью приверженности семейным традициям (утверждение 13). Обращает на себя внимание тот факт, что лишь относительно небольшое число сельских школьников (28%) придает значение таким ценностям, как семейные традиции или фамильное дело.

Ярко выраженных региональных различий в уровнях согласия сельских школьников с большей частью выше перечисленных утверждений нет. Прежде всего это относится к стереотипам о преимуществах городской жизни (утверждения 1–6), а также касается представлений учащихся о дороговизне городской жизни по сравнению с проживанием в селе (утверждение 7). Тем не менее имеется ряд довольно существенных различий. В частности, якутские сельские школьники в отличие от школьников Московской и Ульяновской областей, а также Алтайского края не только более оптимистично оценивают возможности трудоустройства в селе (утверждение 8), но и более высоко оценивают такое свойство сельской жизни, как близость к природе (утверждение 9). Вместе с тем они не только довольно высоко оценивают риск попасть в плохую компанию (утверждение 11), но и чаще остальных считают, что горожане плохо относятся к выходцам из села (утверждение 12). Можно заключить, что по типу мышления, сложившейся ментальности якутская сельская молодежь является более «сельской», чем молодежь Московской области, Ульяновской области

или Алтайского края. Эти ее особенности согласуются с полученными нами данными о том, что якутские школьники более остальных склонны в перспективе рассматривать такие варианты миграционно-образовательных стратегий, которые замыкались бы на село (см. табл. 14).

Весьма неожиданным оказалось то, что преемственность семейных традиций представляет большую ценность не столько для якутских или алтайских школьников, сколько для учащихся подмосковных сельских школ (утверждение 13).

Обратимся к рассмотрению материального положения семьи как фактора формирования образовательных, карьерных и миграционных стратегий учащихся предвыпускных классов сельских школ. В Якутии, Московской и Ульяновской областях чем выше доход на члена семьи, тем с большей вероятностью семья планирует обучение детей в вузе. Причем в Якутии и в Московской области для семей с доходом более 30 тыс. руб. на человека этот показатель достигает 100%. Эти выводы подтверждаются и для Татарстана, если в качестве объясняющей переменной используются ежемесячный доход отца или ежемесячный доход матери. Однако в Алтайском крае данная зависимость отсутствует, здесь на обучение в вузе в равной степени нацелены дети из семей и с низкой, и с высокой обеспеченностью.

Рассматриваемые регионы существенно различаются по материальной обеспеченности и по структуре имущественного расслоения сельчан внутри регионов. Так, в Московской области, с одной стороны, уровень доходов отца семьи составляет в среднем 18–19 тыс. руб. в месяц, и это один из наиболее обеспеченных регионов, а с другой — здесь отмечается высокий уровень расслоения сельского населения: 8% респондентов находятся за чертой бедности, при том что около четверти домохозяйств могут «без труда приобретать товары длительного пользования». Для Московской области характерна высокая зависимость готовности родителей школьника нести затраты, связанные с его дальнейшим обучением, от уровня дохода домохозяйства. При этом лишь около трети семей готовы взять на себя расходы как на обучение, так и на проживание в городе на время обучения.

Алтайский край также характеризуется относительно высоким уровнем доходов сельских жителей при меньшем, чем в Московской области, расслоении по материальной обеспеченности: за чертой бедности живут только 2,2% респондентов. В Алтайском крае, так же как и в Московской области, имеет место зависимость желаний родителей оплачивать дальнейшее образование детей от доходов домохозяйства, однако взять на себя все расходы, связанные с обучением, готовы более половины опрошенных семей.

В Якутии и Татарстане средний ежемесячный доход отца семьи составил 15–16 тыс. руб., при этом в Якутии была зафиксирована наибольшая доля бедных семей: почти 9% опрошенных ответили,

что доходов им «не хватает даже на продукты, едва сводим концы с концами». Без труда приобретать товары длительного пользования в Якутии могут менее одной шестой части домохозяйств, а в Республике Татарстан их более трети. В этих регионах очень высока доля семей, готовых нести все расходы, связанные с образованием детей: 49 и 67% соответственно. Готовность платить только за проживание в городе у другой части якутских и татарских семей, вероятно, объясняется тем, что около 80% (в Якутии) и 72% (в Татарстане) ответивших таким образом родителей планируют обучение своих детей только на бесплатной основе (на бюджетных местах). И в целом якутские семьи в большей степени, чем жители других регионов, ориентированы на бесплатное образование для своих детей (50% в Якутии против 35% в Московской области, 29% в Ульяновской области, 28% в Татарстане и 23% в Алтайском крае).

Ульяновская область оказалась наименее благополучной по уровню доходов отцов (около 11,6 тыс. руб. в месяц). Достаточно высок уровень бедности (7%) при наименьшей доле обеспеченных семей (только 13% семей бюджет позволяет без труда приобретать товары длительного пользования). Полностью взять на себя расходы, связанные с дальнейшим образованием детей, выразили готовность 36% семей, а 12% семей вообще не планируют брать на себя никакие дополнительные затраты.

Интересными оказались результаты анализа зависимости желания школьников жить в селе или в городе от подушевого ежемесячного дохода родителей. В Московской области прослеживается однозначная взаимосвязь между уровнем дохода родителей и выбором детей в пользу города, в Якутии же наблюдается обратная зависимость. Объяснение мы видим в разных уровнях развития маятниковой миграции в данных регионах. Так, в Московской области «только в городе» и «преимущественно в городе» работают почти 56% отцов и 41% матерей опрошенных школьников. Причем доход у маятниковых мигрантов значительно выше, тем у тех, кто работает только в селе. Все респонденты из группы с подушевым доходом более 30 тыс. руб. в месяц, а также половина респондентов с доходом выше 9 тыс. руб. работают только в городе.

Совсем иная картина складывается в Якутии: более 96% мужчин и 97% женщин работают только или преимущественно в селе. Таким образом, у якутских детей не возникает однозначной взаимосвязи между жизнью и работой в городе и приобретаемым статусом, как это происходит в Подмосковье. Напротив, чем более обеспечены родители, работающие в селе, тем больше уверенности у их детей, что они смогут жить достойно, оставшись на малой родине.

В Татарстане сильная положительная взаимосвязь наблюдается только между уровнем доходов отца и желанием школьников уехать жить в город. Для Алтайского края и Ульяновской области не выявлено зависимости между уровнем доходов семьи и миграционными предпочтениями детей. Кроме того, нельзя

также сделать определенных выводов относительно распределения по доходным группам родителей — маятниковых мигрантов.

Таким образом, для Московской области, Якутии и с определенными оговорками для Татарстана гипотеза относительно положительной взаимосвязи уровня дохода с желаемым уровнем образования подтверждается. Для Алтайского края и Ульяновской области гипотеза не подтверждена и не опровергнута.

В табл. 14 приведено сравнение числа детей в семьях и размеров семей респондентов в исследуемых регионах. Зависимости желаний респондентов-школьников получить тот или иной уровень образования от данных переменных не выявлено.

Таблица 14 Число детей в семье и размеры семьи в разных регионах в среднем (человек)

	Московская область	Республика Саха (Якутия)	Алтайский край	Ульяновская область	Республика Татарстан
Число детей	1,9	3	2	1,8	2,4
Размер семьи	4	4,7	3,8	3,6	4,1

В Московской области и Алтайском крае имеет место определенная связь числа детей в семье и размера семьи с желанием школьника жить и работать в городе. Для обоих регионов характерно наличие положительной взаимосвязи между количеством детей в семье и желанием школьника уехать из села, особенно четко эта связь выражена в Московской области. Так, нет ни одного респондента-школьника в семьях, в которых четверо или пятеро детей, который не хотел бы жить и работать в городе: они либо однозначно настроены на миграцию в город, либо еще не решили, но не отвергают такую стратегию. В Якутии, Татарстане и Ульяновской области каких-либо взаимосвязей выявлено не было. Таким образом, гипотеза о положительной связи числа иждивенцев в семье с желанием остаться в селе не подтвердилась.

Исследование позволило выявить существенные различия в жилищных условиях сельчан анализируемых регионов. Это касается как типа занимаемых жилищ, так и обеспеченности сельских семей жильем. Не останавливаясь на этом вопросе подробно, отметим только, что наихудшие жилищные условия оказались в Якутии, где более половины домохозяйств проживают в условиях ниже санитарной нормы⁸, а 85% — ниже социальной нормы⁹, и в Ульяновской области, где на площади ниже социального

⁸ Менее 6 кв. м жилой площади на одного человека.

⁹ Менее 18 кв. м жилой площади на одного человека.

минимума проживают более 80% домохозяйств. Однако анализ не выявил значимой связи между желанием сельского школьника продолжить образование в учебном заведении того или иного типа, а также его намерением уехать в город или остаться в селе и обеспеченностью жильем его семьи или типом жилища, в котором семья проживает. Таким образом, гипотеза исследования относительно положительного влияния жилищной обеспеченности на желание остаться в деревне не находит подтверждения.

Опрос относительно собственности, которой владеют сельские жители исследуемых регионов, выявил существенные различия в укладе жизни. Сравнение разных доходных групп на основании наличия в домохозяйстве предметов длительного пользования позволило сделать выводы относительно влияния процессов урбанизации на разные сельские регионы. В наибольшей степени процессы урбанизации отражаются на селах Московской области, где подсобным хозяйством занимаются в основном наименее обеспеченные домохозяйства, в то время как более обширную, но менее населенную Якутию они практически не затронули. Татарстан, Алтайский край и Ульяновская область также остаются территориями с низкой степенью урбанизированности сельского уклада жизни, однако специфика первых двух регионов заключается в том, что наиболее обеспеченные сельчане стараются механизировать свой труд и вкладывают заработанные деньги в технику и средства производства сельскохозяйственной продукции. Специфика Ульяновской области состоит в наличии земли и подсобного хозяйства в собственности у большинства семей.

Ни в одном регионе, за исключением Татарстана, значимой связи намерений сельских школьников относительно карьеры и миграции с наличием у родителей тех или иных видов собственности мы не обнаружили. Таким образом, гипотеза о наличии такой связи для четырех исследуемых регионов не подтвердилась. В Татарстане обнаружилась связь между желанием старшеклассников остаться жить в селе и наличием в хозяйстве домашнего скота: в семьях, где держат скот, в селе планируют остаться более 10% школьников, во всех остальных семьях таких школьников только 1,4%. Также дети из таких семей несколько чаще остальных планируют учиться после школы в ПТУ: 43% не намерены получать высшее образование против 33% школьников из семей, где не содержат домашний скот. Кроме того, наличие в родительской семье лодки и сельскохозяйственной техники повышает вероятность того, что ребенок ориентирован на получение высшего образования, что, по-видимому, связано с лучшей материальной обеспеченностью таких семей. При этом наличие автомобиля, напротив, повышает вероятность ориентации школьников на обучение в ПТУ.

Социальные ресурсы также распределены по регионам очень неравномерно. Так, наибольшее количество респондентов, не имеющих доступа к распределению тех или иных услуг и благ через социальные связи и знакомства, оказалось в Якутии — одна

треть домохозяйств. В наибольшей степени социальные ресурсы используются в качестве источника получения благ в Московской и Ульяновской областях и в Татарстане, где не располагают такими возможностями лишь около 16–18% респондентов. Мы полагаем, что в данном случае нельзя говорить об исключенности якутов из социальных сетей, на что указывает распределение ответов на вопрос «Есть ли у вас близкие друзья или родственники в городе, которые помогли бы вашему ребенку устроиться с жильем в городе?». Представители 66% опрошенных якутских домохозяйств ответили, что такие друзья или родственники у них есть (57,3% в Татарстане, 50,8% в Ульяновской области, 47,6% в Алтайском крае и 42,7% в Московской области). Скорее, в разных регионах страны сложились разные модели использования социальных связей.

Так, в Московской области чуть менее трети респондентов имеют возможность решать вопросы с трудоустройством и карьерным ростом с помощью социальных связей, иными словами, аллокация ресурсов на рынке труда происходит не на основе рыночных механизмов, а посредством использования участниками личных знакомств. Аналогичная ситуация характерна для четверти домохозяйств в Алтайском крае, Ульяновской области и Татарстане и всего для 15% домохозяйств в Якутии. Также в Московской области высока доля (более 20%) людей, которые могут с использованием социальных ресурсов решать проблемы с правоохранительными органами, образовательными и медицинскими учреждениями, и относительно высока доля тех, кто через знакомства может решать жилищные вопросы (6%). Таким образом, в Подмоскovie социальные связи играют значительную роль практически во всех сферах жизнедеятельности сельчан.

Почти половина семей в Ульяновской области и более половины в Татарстане пользуются социальными ресурсами в повседневном быту: могут взять деньги в долг у родственников или близких людей, получить продукты, нужные вещи или помощь по хозяйству. В обоих регионах этот вид социального ресурса основной. От одной пятой до четверти населения используют социальные ресурсы для решения проблем с занятостью, медицинским обслуживанием и образованием детей. Около 10% могут разрешать таким образом проблемы с представителями власти. В Алтайском крае социальные ресурсы используются менее интенсивно, однако в некоторых сферах также достаточно значим фактор личных связей (например, в здравоохранении).

В качестве оценки уровня социального капитала респондента будем использовать взятую с равными весами сумму положительных ответов на предложенные вопросы — сумму социальных ресурсов, доступных индивиду. Таким образом, значение данного индекса будет равно для каждого респондента:

«Финансы и быт» + «Занятость» + «Здоровье» + «Образование» + «Суд» + «Жилье» = Сумма социальных ресурсов.

Минимальное и максимальное значения суммы социальных ресурсов равны соответственно 0 и 6. Обоснованность такого индекса вытекает из характера данных. Распределение **респондентов по объему социальных ресурсов** показано в табл. 15.

Таблица 15 **Распределение респондентов по объему социальных ресурсов (% по столбцу)**

	Московская область	Республика Саха (Якутия)	Алтайский край	Ульяновская область	Республика Татарстан
0	15,5	33,6	24,4	16,2	18,0
1	33,3	40,8	39,8	46,8	52,2
2	34,1	14,6	21,6	22,5	13,2
3	11,9	6,5	10,6	9,7	7,0
4	3,6	2,4	3,4	3,8	3,9
5	1,2	1,5	0,2	1	4,4
6	0,4	0,5	0	0	0,9

Данные табл. 15 подтверждают сделанные ранее выводы о различиях в использовании социальных ресурсов респондентами из разных регионов. Из таблицы видно, что в Московской области домохозяйство обладает обычно не одним, а двумя-тремя социальными ресурсами, т. е. может посредством социальных связей обеспечить распределение в свою пользу тех или иных благ или услуг. Во всех остальных регионах, напротив, большинство респондентов может использовать свои связи только в одной сфере или вообще не имеет таких возможностей. При этом в Татарстане оказалось относительно большое число людей — около 9%, — обладающих четырьмя и более социальными ресурсами.

В целом во всех регионах семьи школьников, собирающихся продолжить образование в ПТУ, обладают меньшим количеством социальных ресурсов, чем семьи школьников, планирующих обучаться в вузе. Сильнее всего выражено различие по этому показателю в Татарстане, где в семьях, не обладающих социальными ресурсами, собираются поступать в ПТУ 44%, а в вуз — почти половина школьников, а в семьях, обладающих максимальным количеством социальных ресурсов (более четырех), в ПТУ идут 27%, а в вуз — 73% школьников. При этом по всем регионам дети, выбравшие рабочие специальности, а также планирующие выйти на рынок труда сразу после окончания школы, происходят из семей, не обеспеченных социальным капиталом. Количество социальных ресурсов семьи практически не влияет на выбор учениками миграционной стратегии.

При сравнении образовательных предпочтений респондентов-школьников в зависимости от наличия у их родителей друзей и родственников в городе, готовых помочь детям с жилищными проблемами на период обучения, выявлены различные паттерны соотношения этих переменных в Московской области и в Якутии. В Московской области связями в городе располагают всего 17% родителей школьников, которые намерены продолжить образование в ПТУ, против 47% родителей школьников, выбравших обучение в вузе или техникуме. Причем родители всех школьников, выбравших альтернативные жизненные стратегии (работа сразу после школы, контракт в армии и т. д.), не имеют знакомых в городе. В Якутии возможность решить проблемы с жильем в городе есть у 67% родителей школьников — будущих абитуриентов вузов и у 46% школьников — будущих абитуриентов ПТУ. Прямо противоположна той, которая имеет место в Московской области, ситуация с наличием связей в городе у родителей школьников, избравших альтернативные жизненные стратегии, — в Якутии подобные связи есть у 80–100% родителей таких школьников. В остальных регионах значимых различий образовательных предпочтений респондентов-школьников в зависимости от наличия у их родителей друзей и родственников в городе не выявлено.

Исследуемые параметры жизненной траектории в сильной степени зависят от личных качеств школьников, таких как пол, успеваемость, знание иностранных языков и наличие навыков работы на компьютере. Возможно, наиболее значимой переменной, влияющей на миграционные и карьерные предпочтения, оказался пол респондента. Так, по всем регионам в селе хотят остаться 4–7% девочек и 13–20% мальчиков. Самая большая диспропорция складывается в Татарстане и Ульяновской области, где на одну девочку, планирующую остаться в селе, приходится около 3,5 мальчика (в Алтайском крае — 2,8, в Московской области — 2,6, в Якутии — 2,3). Девочки выбирают высшее образование в 1,8 раза чаще, чем мальчики, в Татарстане, в 1,5–1,7 раза чаще — в Московской области и Якутии, в 1,2 раза чаще — в Ульяновской области, и почти в одинаковой пропорции в Алтайском крае.

Успеваемость также является очень значимым фактором, влияющим на выбор «село — город» и «высшее образование — не высшее образование», причем между успеваемостью и полом имеет место сильная взаимосвязь, что, по-видимому, и отразилось на результатах нашего анализа. Среди двоечников и троечников 65% мальчиков, а отличники и хорошисты на 58% представлены девочками, причем такое распределение характерно для всех исследуемых регионов. Во всех регионах в город хотят ехать 72–89% отличников и хорошистов и 48–73% двоечников и троечников. Не менее отчетливо просматривается эта зависимость при выборе образовательных стратегий. Причем во всех регионах, за исключением Якутии, показатель успеваемости меняет вид распределения на обратный: среди отличников и хорошистов в этих регионах

продолжать образование в вузе планируют 66–73%, а 51–66% двоечников и троечников предпочитают не получать высшее образование. В Якутии тенденции аналогичные, но не так ярко выражены (80% против 34%).

Среди школьников, ориентированных на жизнь в селе и не планирующих получать высшее образование, не владеет иностранным языком каждый четвертый. Среди тех, кто хочет уехать в город и поступить в вуз, не владеют иностранным языком всего 8%. Якутские школьники в целом относительно хуже остальных участников исследования владеют иностранным языком: здесь 35% детей, выбравших обучение в ПТУ или техникуме, и 14,5% выбравших вуз не знают языка, это самые высокие показатели по массиву.

В среднем среди школьников, ориентирующихся на село и на ПТУ, колледж или техникум, около 30% не умеют пользоваться программами для выхода в Интернет. Среди школьников, планирующих получить высшее образование и переехать в город, таких вдвое меньше, 14%. Вообще не умеют пользоваться компьютером 1–2% опрошенных школьников. Меньше всего не умеющих выходить в Интернет в Алтайском крае — 8%, больше всего — в Якутии, 32%. Не пользуются офисными программами, такими как MS Word и Excel, 20–37% школьников. Среди школьников, остающихся в деревне и поступающих в ПТУ или техникум, офисными программами не умеют пользоваться чуть более 40%. Из респондентов, выбравших продолжение образование в вузе вне зависимости от миграционных предпочтений, не пользуются офисными программами только 22–24%.

Заключение

Подытоживая результаты исследования, нельзя сказать, что мы столкнулись с чем-то совсем неожиданным или противоречащим исследовательской интуиции. Однако ключевой вопрос заключался не столько в обобщенной характеристике предпочтений сельских школьников, сколько в том, чтобы определить те факторы, которые способствуют формированию у них устойчивого желания обустроить собственное будущее, не покидая село или по крайней мере не теряя с ним связь. Задача эта является особенно актуальной в свете принимающей угрожающие масштабы депопуляции сельских территорий страны. Так, согласно недавнему заявлению заместителя главы Минрегионразвития С. Юрпалова, с 1990 г. в России исчезло 20 тыс. сел и деревень. Сегодня эта ситуация усугубляется непрекращающимся демографическим спадом и последствиями финансово-экономического кризиса, которые провоцируют дальнейший отток наиболее динамичной и мотивированной части молодежи из сельской местности в города.

Как наглядно свидетельствует опыт Алтайского края, такая простая и, казалось бы, очевидная мера, как создание возможностей для трудоустройства, вряд ли способна переломить эту миграционную тенденцию — настолько велико желание молодежи «утекать» из сел. И если характеристика этой «дрейфующей» части

сельских тинейджеров оказалась настолько пестрой, что не дает возможности однозначно судить об их мотивах к бегству, то образ тех, кто в качестве наиболее вероятной рассматривает для себя именно сельскую карьеру, складывается в следующий не внушающий оптимизма портрет. В эту категорию попали те, кто демонстрирует слабую успеваемость в школе и потому имеет мало шансов на поступление в учреждения профессионального образования. Неудивительно, что речь идет в основном о юношах, а не о девушках, которые в среднем проявляют больше усердия и заинтересованности в учебе. При этом желание жить и работать в селе проявляется у школьников тем сильнее, чем дальше расположены их села от региональных столиц. Таким образом, значительная часть тех, кто выбирает сельскую карьеру, делает это попросту из обреченности, а именно из-за отсутствия возможности более или менее регулярно бывать в городе, не говоря уже о возможности временного проживания, доступности инфраструктуры досуга и развлечений и т. д. Неудивительно, что дети, оказавшиеся в подобной ситуации, чаще остальных испытывают различные фобии и предубеждения относительно городской жизни (например, боятся попасть в плохую компанию или считают, что в городе к выходцам из села относятся плохо).

И все же один несомненно положительный мотив, хоть и слабо, но сдерживающий желание школьников оставить отчий дом, был нами обнаружен. Оказалось, что дети, чьи родители ведут собственное, пусть и небольшое, дело, склонны более позитивно оценивать перспективы собственного трудоустройства в селах. Исходя из этого можно предположить, что раннее трудовое воспитание и возможность передачи дела по наследству принадлежат к числу тех необходимых предпосылок, которые формируют у сельских школьников устойчивое желание остаться в селе или вернуться в село после получения образования.

Завершая относительно краткое описание результатов эмпирического исследования, хотелось бы отметить, что они никоим образом не являются окончательными. Не исключено, что по мере расширения перечня участвующих в исследовании регионов, а также углубления анализа некоторые из полученных нами результатов могут быть скорректированы. Тем не менее полученные результаты уже сегодня дают пищу для серьезных размышлений.

Итак, абсолютно доминирующей во всех регионах, принявших участие в исследовании, является стратегия сельских школьников на продолжение образования после школы, прежде всего в вузе или колледже (техникуме), а потом на работу в городе. В селе для школьников привлекательны прежде всего красота природы, грибы, ягоды, рыбалка. Они не хотят оставаться в селе ради семейных традиций, не ориентируются в будущем ни на сельскохозяйственные виды деятельности при выборе профессии, ни на сельский образ жизни. Несмотря на угрозу недоброжелательного отношения горожан к выходцам из села, страх попасть в городе в плохую

компанию, дороговизну городской жизни, сельских школьников привлекают «огни большого города», они выбирают столичные города, в которых хотят продолжить учебу, а потом остаться жить и работать. Большинство выпускников сельских школ планируют навсегда переехать из села: они хотят жить в городе и сразу после окончания школы, и тогда, когда у них будут дети.

Таким образом, результаты эмпирического исследования дают основания предполагать, что у выпускников сельских школ произошла смена модели социальной динамики. Раньше переезд из села в город начинался «снизу» — через устройство на низкоквалифицированные рабочие места в городе с постепенным продвижением по карьерной лестнице, медленным улучшением материального положения. Иногда только в следующем поколении дети сельских мигрантов получали высшее образование и становились высококвалифицированными специалистами. Таким образом, переезд в город выполнял роль социального лифта — снизу вверх. Сейчас модель социальной динамики меняется: высшее образование может служить для выпускников сельских школ «социальным парашютом». Они поступают в вузы, за время учебы адаптируются к городской жизни, получают профессии, требующие высокой квалификации, находят в городе высокооплачиваемую работу, снимают или покупают в кредит жилье: рынок жилья во всех городах позволяет найти подходящий вариант. В результате фактически сразу после окончания вуза выходцы из села попадают в социальную группу городских жителей среднего класса: они могут найти высокооплачиваемую работу, заниматься квалифицированным трудом, освоить городские культурные коды и ценности, адаптироваться к столичному стилю жизни.

На наш взгляд, стратегия сельских школьников на переезд в город для продолжения образования после школы, прежде всего в вузе, а потом для работы становится более реалистичной в современных условиях, чем раньше, благодаря нескольким факторам. Во-первых, благодаря возможности поступить в вуз по результатам ЕГЭ, подавая документы сразу в несколько институтов. Раньше сельским школьникам было очень трудно преодолеть барьер «школа — вуз», потому что они не могли заниматься на подготовительных курсах и с репетиторами для подготовки к вступительным экзаменам в конкретный вуз, из-за этого сильно проигрывали городским школьникам. Сейчас вероятность того, что выпускники сельских школ смогут найти вуз, соответствующий их результатам ЕГЭ, резко возросла. Во-вторых, «образовательный бум» предыдущих 15 лет, в течение которых в России наблюдался устойчиво высокий спрос на высшее образование, привел к неконтролируемому скачкообразному росту количества государственных и негосударственных вузов и их филиалов, а также к расширению спектра предлагаемых ими образовательных программ. При сокращении численности учащихся спрос на образовательные услуги упал, что привело к возникновению избыточного предложения со стороны

разросшейся образовательной инфраструктуры и обострению конкуренции между вузами за абитуриентов. В-третьих, демографический спад «докатился» до вузов: резкое сокращение числа выпускников школ вынуждает вузы принимать почти всех абитуриентов с положительными результатами ЕГЭ, чтобы набрать студентов на бюджетные и платные места. Таким образом, вероятность поступления в вуз у выпускников сельских школ 2011–2014 гг. существенно возросла.

Выбравшие стратегию «продолжение образования после школы в вузе/техникуме, а потом работа в городе» выходцы из села в своих карьерных притязаниях и социальной мобильности будут опираться на собственный профессиональный, социальный и культурный капитал, полученный ими за время обучения в вузе. Вуз в таком случае должен за время учебы обеспечить адаптацию выпускников сельских школ к городской жизни. Есть основания полагать, что социальными институтами, способными наилучшим образом решать задачи социальной ассимиляции и адаптации сельских школьников к городской жизни и высококвалифицированным рабочим местам, являются учебные заведения профессионального образования.

Высокая привлекательность и реалистичность образовательных, карьерных и миграционных стратегий сельских школьников, осуществленных по модели «социального парашюта», дают основания предполагать, что в России начнется новая волна процесса урбанизации. До сих пор считалось, что процесс интенсивной урбанизации в нашей стране закончился. Последние 30 лет, начиная с переписи 1979 г., доля сельского населения практически не уменьшалась и составляет 25–27%. Если будут осуществлены выявленные в результате эмпирического исследования миграционные стратегии учащихся 9–11-х классов сельских школ, то отток молодежи из сел в города будет очень существенным и может спровоцировать новую волну активной урбанизации.

1. Казакбаев Р.Х. Установки молодежи Башкортостана на жизнь в селе // Социологические исследования. 2005. № 11. С. 77–81.
2. Константиновский Д.Л. Самоопределение или адаптация? // Мир России. 2003. № 2. С. 123–143.
3. Магун В.С., Энгватов М.В. Жизненные притязания различных социальных групп молодежи // В.Б. Звоновский (ред.). Молодежь Самарской области в 2002 г.: современное положение и тенденции развития. Самара, 2003. С. 194–223.
4. Михеев П.А. Динамика жизненных ценностей сельской молодежи // Социологические исследования. 2005. № 1. С. 91–94.
5. Предтеченская Н.В. Отчет по исследовательскому проекту «Десятилетие социальных изменений глазами молодого поколения: мониторинг повседневной жизни и планов на будущее молодежи Республики Карелия». РГНФ, 2008.
6. Руткевич М.Н., Филиппов Ф.Р. Социальные перемещения. М.: Мысль, 1970.

Литература

7. Силласте Г.Г. Влияние СМИ на жизненные планы сельской учащейся молодежи // Социологические исследования. 2004. № 12. С. 95–102.
8. Социальное неравенство и публичная политика. Аналитический доклад ИС РАН. М.: Институт социологии РАН, 2007.
9. Черныш М.Ф. Социальные институты и мобильность в трансформирующемся обществе. М.: Гардарики, 2005.
10. Шкаратан О.И., Ястребов Г.А. Социокультурная преемственность в российской семье // Общественные науки и современность. 2010. № 1. С. 5–27.
11. Шкаратан О.И., Ястребов Г.А. Сравнительный анализ процессов социальной мобильности в СССР и современной России // Общественные науки и современность. 2011. № 1. С. 5–28.
12. Bourdieu P., Passeron J.-C. (1977) *Reproduction in Education, Society and Culture*. L.; Beverly Hills: Sage Publications.
13. Byun S., Meece J., Irvin M. (2010) *Rurality, social capital, and college completion* // Paper presented at Annual meeting of the American Educational Research Association. May 3, 2010.
14. Carr P., Kefalas M. (2009) *Hollowing out the middle: The rural brain drain and what it means for America*. Beacon Press.
15. DeYoung A. J. (1987) *The status of American rural education research: An integrated review and commentary* // *Review of Educational Research*. Vol. 57. No. 2. P. 168–181.
16. Erikson R., Goldthorpe J. H. (1992) *The constant flux: A study of class mobility in industrial societies*. Oxford: Clarendon Press.
17. Featherman D. L., Hauser R. M. (1977) *The process of stratification: Trends and analyses*. N.Y.: Academic Press.
18. Ganzeboom H., Treiman D. (1996) *Internationally comparable measures of occupational status for the 1988 International Standard Classification of Occupations* // *Social Science Research*. Vol. 25. No. 3. P. 201–239.
19. Hardré P. (2008) *Taking on the motivating challenge: Rural high school teachers' perceptions and practice* // *Teacher Education and Practice*. Vol. 21. No. 1. P. 72–88.
20. Hektner J. L. (1995) *When growing up implies moving out: Rural adolescent conflict in the transition to adulthood* // *Journal of Research in Rural Education*. Vol. 11. No. 1. P. 3–14.
21. McGranahan D. A., Ghelfi L. M. (1991) *The education crisis and rural stagnation in the 1980s / Education and rural economic development: Strategies for the 1990s*. Washington, DC: United States Department of Agriculture.
22. Roscigno V., Crowley M. (2001) *Rurality, institutional disadvantage, and achievement/attainment* // *Rural Sociology*. Vol. 66. No. 2. P. 268–293.
23. Treiman D. (1977) *Occupational prestige in comparative perspective*. N. Y.: Academic Press.
24. Woodrum A. (2004) *State-mandated testing and cultural resistance in Appalachian schools: Competing values and expectations* // *Journal of Research in Rural Education*. Vol. 19. No. 1. P. 1–10.